

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

From Epistolary Heritage of Kaysyn Kuliev

Janna K. KULIEVA*

Резюме: На примере ранее не публиковавшихся материалов в данной работе воссоздаются малоизвестные подробности биографии К. Кулиева, Письма несут такую информацию, которую невозможно извлечь из других документов, они вносят элемент искренности и достоверности в сведения о творческом и жизненном пути поэта. Переписка помогает составить более полное, разностороннее представление о К. Кулиеве, позволяет глубже понять его эстетические и литературные взгляды, оценить масштаб его личности.

Ключевые слова: наследия, переписка, литературный факт, эпистолярный стиль.

Abstract: On an example of materials not published earlier the author recreated little-known details of the biography of K. Kuliev. Letters contain information which cannot be obtained from other documents; they bring an element of sincerity and trustworthiness into creative and biographical data about the poet. The correspondence helps to make fuller and multi-dimensional image of K. Kuliev, allows to understand more deeply his aesthetic and literary convictions, to estimate the scale of his personality.

Key words: heritage, correspondence, literary fact, epistolary style.

Makale Gönderim:
09.10.2015

Kabul Tarihi:
10.12.2015

---

* Кулиева Жанна Кайсыновна, к.ф.н, старший научный сотрудник сектора балкарской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», kbigi@mail.ru

Обширную часть документального наследия К. Кулиева составляет его переписка.

Письма поэта - это уникальный, полный конкретных деталей, сведений о нем пласт его наследия, который, кроме всего прочего, может рассматриваться и как литературный факт, так как эпистолярный стиль К. Кулиева - на уровне высокой прозы. Ценность писем К. Кулиева не только в том, что они подтверждают многие факты его жизни, что в них находят объяснение мотивы тех или иных поступков поэта, но и в том, что они раскрывают его мировоззренческие взгляды и литературные приоритеты. Переписка К. Кулиева важна и тем, что письма посвящены не только мотивам узколичного характера, но и вопросам творчества, издания произведений, их перевода, планам на будущее.

Удивляет содержательность его писем, живость мысли, яркая образность его эпистолярного стиля. Письма отражают богатый внутренний мир поэта, его душевное тепло, неординарность мышления. Осознаешь, что это написано именно поэтом, его впечатления выливаются в яркие, нестереотипные образы: в Монголии его поразили бескрайние степные просторы, огромное количество птиц, мчащиеся табуны лошадей.

Побывав на Адриатике, он обращает внимание на прекрасные рощи маслин, на синеву морской глади. О том, как поэтичен и выразителен текст его писем, можно судить по отрывку из письма от 21 марта 1967 г. автору данной работы: «...Вот пишу я тебе с берегов Адриатического моря. Я уже второй день в замечательном городе Сплите на берегу моря с очень синей водой. Здесь уже весна. Цветет абрикос, зеленеет трава, масличные деревья, которые по-тюркиски называются зейтун. Над городом горы. Но не такие, как у нас, - не снежные, а серо-бурые. Зато видел вчера осликов, овец, новорожденных ягнят - точно таких же, как в родной Балкарии» (J. Kulieva, Archive).

На такие детали может обратить внимание только человек с поэтическим складом души и нестандартным восприятием окружающего мира.

Переписка является частью творческого общения. Средствами эпистолярного искусства воссоздаются события личной и литературной жизни поэта. Из письма К. Кулиева Амо Сагияну, кроме его отношения к этому армянскому поэту, можно почерпнуть сведения о том, что К. Кулиев считал главным в творчестве, приоритетным в поэзии и облике художника. К. Кулиев писал Амо Сагияну: «Я всегда буду рад видеть тебя, считая нашу встречу с тобой встречей высшего порядка и уровня». Далее К. Кулиев пишет, что в этом поэте он увидел «живую мудрость и большой драматизм, глубину чувств и восприятия поэтом нашего трагического мира, остроту ощущения драматизма человеческой жизни, путей народа и его судеб. Вот, что я нахожу в твоём облике человека и поэта. Это исключительно близко моей душе» (Mkrtychyan, 1997).

Переписка является источником сведений о работе поэта над произведениями, отдельными книгами. Известно, что К. Кулиев проявил себя как тонкий, талантливый и проницательный исследователь литературы и искусства. Его размышления о мастерах литературы и искусства прошлого и настоящего составили книгу яркой литературной публицистики «Так растет и дерево» (Kuliev, 1975). В ней он показал себя как мудрый, тонкий мастер, книга освещена светом его ума и неординарностью его личности. Первые упоминания К. Кулиева о работе над этой книгой находим в его письме своему большому другу Регине Кафриэлянц от 20 марта 1973 г.: «Я очень много работал - готовил к печати свою книгу под названием «Так растет и дерево» с подзаголовком «Заметки литератора». Это действительно большая книга. Она сейчас у машинистки» (J. Kulieva, Archive). Эта книга вышла в 1975 г. в Москве. От подзаголовка «Заметки литератора» К. Кулиев отказался.

Сведения о том, какие отклики имела эта книга, предоставляет переписка.

Поэт К. Ваншенкин в письме от 5 октября 1975 г. писал: «Книга замечательная. И едва ли не основное ее достоинство в том, что буквально за каждой статьей, строкой и словом слышен голос Кайсына Кулиева. Это очень твоя книга» (J. Kulieva, Archive). Важно в письме К. Ваншенкина то, что он дает высокую оценку книге, и его мнение как человека творческого очень ценно. Дальше он пишет: «Я читал ее не подряд, а вразброс, как стихи... С самого начала чтения я ощутил желание говорить и размышлять о книге, ее содержании, духе и авторе - словами: благородство, достоинство, честь. Разумеется, это не было для меня неожиданностью, напротив, просто эти твои качества проявлены в книге отчетливо, концентрированно, так сказать, в чистом виде... Самое сильное впечатление произвели на меня «Страницы автобиографии». Это целый роман - трагический прежде всего, но и со светом. Как в грозу. Потрясающе. Жаль, что так коротко... Обнимаю тебя и горжусь, что могу называть себя твоим другом».

Переписка К. Кулиева сохранила для нас то многое и значительное, что невозможно извлечь из других документов, что могло быть предметом случайного устного разговора, содержание которого не фиксировалось ни дневниковыми, ни мемуарными записями. Важно и то, что письма К. Кулиева содержат самооценку поэта. В письме к Р. Кафриэлянц, в то время редактору издательства «Детская литература», от 24 июля 1972 г. К. Кулиев писал: «Спасибо тебе за твое замечательное письмо. Я, конечно, полностью верю твоей искренности и доверяю твоему вкусу. Но думать, что ты написал что-то очень хорошее, каждый раз трудно. Чтобы то ни было, благодарю тебя» (J. Kulieva, Archive). Сомнения по поводу своих произведений свойственны только истинному таланту. Это общеизвестно. И то, что Кулиев - художник с установившейся высокой поэтической репутацией - сомневается в себе, говорит о его особенных личностных качествах, о серьезном отношении к творчеству.

В письме от 15 апреля 1973 г. этому же адресату К. Кулиев пишет: «Посылаю тебе новые стихи, о которых говорил тебе. Если они того стоят, попроси Тарковского перевести вместе с предыдущими (их всего 15 стихотворений) для книги, которую ты будешь составлять» (J. Kulieva, Archive).

На этом письме К. Кулиева к Р. Кафриэлянц имеется ее приписка: «А.А. Тарковский очень хотел перевести стихи Кайсына, которого любил и с нежностью говорил мне о нем. Но обстоятельства сложились так, что он болел, очень все затянулось. Позже их перевел Яков Аким». Эта приписка дополняет наши представления об отношении А. Тарковского к К. Кулиеву.

В упомянутом письме К. Кулиев не пишет категорически о включении стихов в сборник. Он говорит о своих стихах: «если они того стоят». Скромность в самооценке - одна из привлекательнейших черт К. Кулиева.

В одной из записных книжек К. Кулиева есть такая запись: «Сомнения, как бы они мучительны ни были, необходимы для художника» (SGA KBR).

О том, что поэта должна отличать скромность, говорил К. Кулиев в одном из интервью. На вопрос корреспондента о том, как видится К. Кулиеву путь поэта, он ответил: «Сказать, что «я - поэт» - все равно, что сказать «я хороший человек». Я никогда не слышал, чтобы кто-либо в таком роде говорил о себе, например, Твардовский. Он не писал «я - поэт», «мое творчество», а всегда - «моя работа». Скромность помогает избежать самоуспокоенности и самодовольства» (Literaturnaya gazeta, 1977). Даниил Долинский в своих воспоминаниях также касается этого вопроса и пишет: «Этот мудрый и радостный горец любил называть себя стихотворцем. «Это Пушкин поэт навсегда, а мы стихотворцы, и только!» - говаривал он» (Dolinskiy, 2002). Так считал К. Кулиев. Много лет спустя так же рассуждал и Иосиф Бродский. В телефильме, снятом в Венеции в 1993 г., он говорил то же самое: «Сказать о себе «я - поэт», это все равно, что сказать о себе, что «я - хороший человек» (Mkrtchyan, 1997). Теперь не определить - была ли эта мысль Бродского оригинальной или он невольно процитировал интервью К. Кулиева двадцатилетней давности. Но суть не в этом. Главное то, что поэты разных поколений мыслили идентично, оказались солидарны в этом суждении. Значит, есть в этом какая-то истина, важная и необходимая для творческой личности.

В подтверждение сказанному уместно привести следующие слова К. Кулиева из его записей: «Этика писателя. Его поведение. Скромность. Писать надо смело, а в жизни быть скромным. Таким был, например, Чехов. Самое замечательное - это быть скромным» (J. Kulieva, Archive).

В переписке К. Кулиева с Р. Кафриэлянц зафиксированы подробности, связанные с выходом его книги «Высокие деревья» (SGA KBR), составителем которой была Р. Кафриэлянц. Об этом упомянуто в письме К. Кулиева от 15 апреля

1973 г., приведенном выше. В письме от 3 марта 1973 г. К. Кулиев писал ей по поводу этого сборника стихов: «Я подумал и решил, что для книги, которую ты решила сделать, подойдет название «Высокие деревья. Лирика разных лет». Это просто, без претензий и в моем духе. Если это понравится тебе, то остановимся на нем. Ты, конечно, сделала для меня большое и приятное дело. Большое тебе спасибо. Я прошу тебя составить эту книгу, хотя почти для всех издательств составляю свои книги я сам. Им я не доверяю, а ты сделаешь это лучше меня. Название вышло у меня из стихотворения, написанного в прошлом году и еще не переведенного на русский язык... Специально для твоей книги попросил перевести это стихотворение Олега Чухонцева. Думаю, что он сделает» (*Literaturnaya gazeta*, 1977). Значимость этих писем еще и в том, что это своеобразный запечатленный диалог. В письме от 20 марта 1973 г. К.Кулиев пишет следующее: «Мне очень приятно, что тебе понравилось название, предложенное мною для книги. Помоему, оно вполне нормальное. Решили - так и назовем...». Мы становимся свидетелями разрешения одного из вопросов.

Все эти материалы подтверждают важность переписки как документально-информативного источника. Известно, что обаяние личности, широта натуры К. Кулиева щедро раскрывались в общении с людьми, и в этом немалую роль играла переписка.

Нередко в опубликованных текстах документов имеются разночтения с автографом. Примером тому может служить переписка К. Кулиева с французским писателем Робером Мерлем, с которым К. Кулиев познакомился во время пребывания в составе советской делегации во Франции в 1974 г. Подлинный сохранившийся текст письма Кайсына Кулиева Роберу Мерлю, датированный мартом 1973 г., существенно отличается от опубликованного 20 марта 1974 г. в «Литературной газете». Оно подверглось крайне жесткому редактированию. После правки стиль письма стал строже, лаконичнее, но письмо утратило поэтичность, теплоту, исповедальность интонации. В письме есть страницы, говорящие о нестандартности впечатлений К. Кулиева от увиденного при встрече с Робером Мерлем в Маль-Мэзоне, о его способности глубоко чувствовать прекрасное и видеть поэзию во всем, что его окружало. Редактор же старался приблизить стиль поэта к журналистскому, исключить восторженные оценки многого из увиденного им. Но нивелирование самобытного поэтического взгляда поэта на многие вопросы лишило письмо теплоты и лиризма.

Подлинный текст письма уникален, он дает истинное представление читателю о суждениях поэта, о его жизненной и гражданской позициях. Отличается и название письма. В «Литературной газете» оно имеет заголовок «Может ли устареть оптимизм?», у поэта - «Открытое письмо французскому писателю Роберу Мерлю» (J. Kulieva, Archive).

В полном варианте письмо К. Кулиева не публиковалось. Поэтому стоит подвергнуть текст более тщательному анализу. Купюры, сделанные редактором, посчитавшим все сокращенное излишним, как раз и дают представление о непосредственных впечатлениях К. Кулиева от встречи с Робером Мерлем и о его мыслях, навеянных поэту этой встречей. Вот одна из таких купюр: "Километров пятьдесят от Парижа до Вашей усадьбы мы ехали по прекрасной дороге, доставившей нам удовольствие. Мне хорошо запомнилась замечательная платановая аллея недалеко от Вашего дома. Наши французские друзья в Париже сказали нам, что у Вас есть даже лошади. Это очень обрадовало меня, крестьянского сына, выросшего в деревне и с малых лет привыкшего ездить на лошадях.

- У французского писателя, живущего под Парижем, лошади? - сказал я. - Вот здорово! Этого я никак не мог ожидать...

Я с удовольствием вспоминаю Вас, Ваш красивый дом, Ваше доброе, приветливое отношение к нам, гостеприимство, нашу беседу с Вами... На Вашей усадьбе были замечательные деревья. Я даже запомнил чудное одинокое дерево вдали от Вашей виллы, на возвышенности среди посевов. Его хорошо было видно в окно из Вашего кабинета на втором этаже. Я думаю, что Вам приятно и хорошо работать, видя такой пейзаж... Так много я говорю о деревьях потому, что люблю их... Деревья - это краса, спокойствие и мудрость земли. Я очень рад, что у вас такие чудесные деревья и Вы пишете свои замечательные книги среди них, общаясь с ними. Кланяйтесь им от меня. Не забудьте и то дерево среди посевов...» (J. Kulieva, Archive).

Такой лирический текст явно не соответствовал требованиям редакции «Литературной газеты» к диалогу с зарубежным писателем. К тому же, без сомнения, сказались неосведомленность редактора о том, что отношение к деревьям у К. Кулиева - это целая философия, слабое знакомство с творчеством поэта, где деревья - полноправные герои многих его стихотворений. Здесь же в письме К. Кулиев объясняет, почему, на его взгляд, деревья достойны поклонения: «Мне думается, что мир не может обойтись без деревьев, они незаменимы для человека. И не только потому, что из дерева, как из камня, издревле строят люди для себя жилища, дерево дает им плоды или тень в зной. Нет, не только поэтому. Деревья внушают человеку покой, благородство, доброту и мудрость, а художника они учат быть простым, ясным и естественным, помогая избегать вычурности и надуманности. О них замечательно писали, в частности, мои любимые поэты и учителя - балкарец Кязим, русский Есенин, испанец Лорка».

Дальше К. Кулиев сообщает Р. Мерлю о том, что в Провансе видел те деревья, которые писал еще Сезанн. К. Кулиев говорит, что за свою долгую жизнь ему приходилось о Сезанне много читать. И приехав на его родину, поэт встретился с его деревьями, как со старыми и добрыми знакомыми.

Кайсын Кулиев пишет далее, что деревья для него являются как бы живыми существами, имеющими свой язык: «Вот и сегодня, когда я пишу Вам это письмо, вижу в окне большую акацию, на которую я смотрел много лет, сидя за письменным столом. Она помогает мне работать. Я каждый раз говорю ей: «Доброе утро!», «Добрый вечер!», «Спокойной ночи!», «Я люблю, когда в ее тени играют дети и трудятся муравьи».

Все это, к сожалению, было сокращено и осталось вне поля зрения многомиллионных отечественных и зарубежных читателей.

Возвращаясь к теме особого отношения К. Кулиева к деревьям, уместно будет привести еще один отрывок из его письма французскому писателю, в котором поэт говорит и об отражении этой темы в его творчестве: «И у нас на холмах, на склонах гор, у дорог много таких одиноких деревьев. Я их люблю и не раз пытался обращаться к ним со стихами, стараясь выразить мою любовь. Деревья - это гигантские свечи. Только свет у них внутри. Они - птицы. А не улетают потому, что им нельзя покидать землю и людей. Вообще, как мне кажется, художник не может не любить деревья родной земли и всего света». Этот текст, выявляющий особенности неординарного поэтического мышления К. Кулиева, - пример полета его творческой фантазии, необычайной художественности всего, чем пронизано его творчество.

Для К. Кулиева дерево - символ жизни. В его поэзии сильны мотивы пантеистической изначальности природы. Кроме эмоционального восприятия, это восходит, по всей видимости, к бытовавшему у балкарцев с древних времен тотемическому культу дерева.

Как бы то ни было, все написанное К. Кулиевым о деревьях, - это своеобразный гимн всему живому на земле, жизни во всех ее проявлениях.

Далее текст подвергся еще большей редакции. К примеру, в абзаце, где поэт говорит о бессмертии земли, о том, что он верит в «сердце и ум человека», «в вечность колоса и дерева», сокращены следующие слова: «Я уверен в том, что дети всегда будут играть в тени деревьев, хлеб для них будет печься всегда, а лунный свет падать в окно на их колыбели и кровати. Я верю в это, как верили мои предки-сказочники в то, что вечно будет скакать конь по земле».

Не исключи этот кусок редактор, был бы более оправдан следующий в тексте вопрос поэта: «Не считаете ли Вы меня слишком ярким оптимистом, дорогой Робер Мерль?».

Обединили текст и купюры в той части письма, где поэт говорит о том, как строго и сурово горцы воспитывали своих детей, внушали, что в жизни для них нет ничего готового и надо добиваться всего своим трудом. Сокращены и размышления поэта о противоречиях между поколениями. Поэт считал, что

каждое поколение «делает свое, выполняя ту миссию, которая выпадает на его долю волею самой жизни и истории. Поколению Юрия Гагарина, к примеру, суждено было впервые покорить космос».

Переписка с Робером Мерлем Кайсына Кулиева говорит о яркости, нестандартности личности поэта, о богатстве его внутреннего мира, о точности и верности его суждений. Своеобразной иллюстрацией и неожиданным дополнением к переписке К. Кулиева и Р. Мерля явилось сохранившееся письмо Тамары Балашовой от 7 июня 1973 г., познакомившейся с полным текстом письма К. Кулиева еще до его публикации в «Литературной газете». О Тамаре Балашовой К. Кулиев упоминает в той части своего письма, которая была сокращена: «Во время нашего недавнего пребывания во Франции мы с моим другом Расулом Гамзатовым и литературоведом Тамарой Балашовой попросили Вас встретиться с нами...».

Отклик Т. Балашовой важен и ценен потому, что она говорит о впечатлениях от полного текста письма поэта: «Дорогой Кайсын, недавно я была в журнале «Советская литература» и видела Ваше открытое письмо Роберу Мерлю. Оно настроило меня на лирический лад и захотелось Вам написать. Под Вашим пером ожили все детали нашей дороги в Маль-Мэзон, простор вокруг виллы, покой, неожиданная после парижского гула тишь, собака, дружелюбно приглашавшая нас следовать дальше, и фигура хозяина, в которой еще надо было узнать хозяина...».

После Вашего письма увиделось многое, прошедшее незамеченным тогда, - таков уж закон зрения поэта... Получили ли Вы ответ? Хорошо написали Вы и о двух поколениях... В четвертом номере «Советской литературы» появился перевод беседы из «Лит-газеты» о Ваших (наших) французских впечатлениях» (2). Тамара Балашова, ощутив всю прелесть и искренность подлинного текста письма К. Кулиева, почувствовала и подчеркнула важность особого зрения поэта. Но при редактировании текста письма этот аспект не был учтен.

Так документы, дошедшие до нас, помогают восстановить подлинный авторский текст, вводят нас в удивительный творческий мир художника, обогащают впечатления от текста тонкими неожиданными нюансами, яркой гаммой новых красок.

Письма К. Кулиева отличаются глубиной мысли, яркой содержательностью, душевное тепло.

Переписка - это род документов, в котором, как ни в одном другом, запечатлены в рукописном слове особенно ярко, глубоко и серьезно подробности литературного и жизненного пути К. Кулиева.

ЛИТЕРАТУРА

DOLINSKIY D. (2002) Nezabvenniy Kaysin. «Üg Rossii», gaz., 2002, 16-22 fevralâ.

İz liçnogo arhiva J.K. Kuliyevoy.

«İ Lâjet Put Moy Çerez Etot Gorod... (2000) Neskolko Semoçnih Dney S İosifom Brodskim». Telefilm. Studiya «Rakord», 2000.

KULIYEV K. (1975) Visokiye derevâ. Stihotvoreniya. M.: Detskaya literatura, 1975.

KULIYEV K. (1975) Tak rastet i derevo. M.: Sovremennik, 1975.

«Literaturnaya gazeta», (1977), 2 noyabrâ.

MKRTCHYAN L. (1997) Bez tebya, Kaysin, i Vmeste s Toboy. Erevan: Nairi, 103 s.

SGA KBR, f r-852, op 2, d 103, l 2.

